

С.З.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА

Городской театр.

Это — не драма и не комедия, это, если хотите, не удовлетворяет тѣмъ требованіямъ, которыя мы привыкли предъявлять къ сценическому произведенію, но это, несомнѣнно, пережить всѣ пьесы текущаго репертуара, все то, что можно сполна насладиться нашей публикой съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ это прежде всего крупное литературное произведеніе.

Я говорю, конечно, о чеховской «Чайкѣ».

Мнѣ довелось быть въ октябрѣ прошлаго года въ Петербургѣ на первомъ представленіи этой пьесы, и была очевидность того безпримѣрнаго провала, который окончилось это представленіе и который вызвалъ бѣгство талантливаго писателя изъ Петербурга въ Москву, нодъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ перваго представленія и былъ свидѣтель той дикой накатаніи, которая началась по этому поводу на столбахъ и въ которыхъ назанъ (съ петербургскими «Новостями» по главу), и я прекрасно помню, что большой публикѣ пьесы эта не можетъ придти по вкусу, какъ не можетъ понравиться самое тонкое блюдо, разсчитанное на вкусъ гастронома, голодному человеку, ищущему прежде всего удовлетворенія своего волчьаго аппетита.

Зритель идетъ въ театръ съ опредѣленными требованіями, которыя не удовлетворены, онъ недоволенъ, шумитъ и... смѣется. Но черезъ нѣсколько дней и была на 2-мъ представленіи «Чайки» на той же Александринской сценѣ, когда явилась публика другая, подготовленная въ тому, что она встрѣтитъ не пьесу à thèse и не душу раздражающую мелодраму. — и я-же былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго успѣха пьесы, настоящихъ восторговъ антора, затихшихъ лишь послѣ анонса, что его въ театрѣ нѣтъ.

Я разскажу объ этомъ, какъ очевидецъ, потому, что считаю все это очень характерными фактами. Правда, на 2-мъ представленіи были сглажены нѣкоторыя шероховатости и неровности не совсѣмъ

опытнаго драматурга, но не въ этомъ, конечно, причина незначительной разницы въ оцѣнѣ пьесы одной и другой публикой.

Провинциальные спектакли лишены того незначительнаго интереса первыхъ представлений, въ которыхъ привыкла столичная публика. Къ намъ пьеса приходитъ уже со сложившимся репертоаромъ, съ готовой оцѣнкой.

Не той, конечно, оцѣнкой, которая выражается въ амисѣ услужливой антрепризы, что пьеса имѣла громадный успѣхъ въ обществѣ столичномъ и выдержала столько-то представлений, а той, которая, какъ результатъ столкновенія живыхъ, вымысла, какъ в иская истина, наружу для безразличнаго читателя газетныхъ рецензій. Къ тому-же «Чайка» была въ свое время напечатана въ распространенномъ журналѣ и прочитана, конечно, всей интеллигентной Русью. Наша публика знала поэтому, что она найдетъ въ театрѣ, и любители рутинѣ предпочли сидѣть дома, а тѣ, которые пошли въ театрѣ, а увѣренъ, получили громадное эстетическое наслажденіе.

Какая это подавляющая своимъ безпримѣрно-яркимъ колоритомъ и въ то-же время поражающая своей жизненностью картина! Цѣлая группа людей, не людей, а типовъ, прекрасно схваченныхъ, художественно вывоженныхъ, типовъ самыхъ разнообразныхъ, но объединенныхъ одной чистоплотивной жадной личнымъ наслажденіемъ!

Этотъ «сытый» докторъ, bon vivant, взявшій отъ жизни все, что она ему могла дать, идолъ провинциальныхъ скукащихъ барынь (г. Соловцовъ), этотъ «голодный» статскій совѣтникъ, дожившій до 60 лѣтъ, не знавшій счастья, но жаждущій его и никакъ не могущій припритисъ съ тѣмъ, что онъ остался только «человѣкомъ, который хотѣлъ» (г. Бисилевскій), это цѣлая стая съ одной стороны сытыхъ (Архандіи — г-жа Гайбова, Шамраевъ — г. Чумбиновъ), а съ другой — неудовлетворенныхъ себялюбцевъ (Шамраева — г-жа Агранова, Маша — г-жа Чумбинова, Медвѣди-

ко — г. Леонковскій) — и на фонѣ этомъ портретной галлерей разыгрывается драма между тремя лицами, драма, которая можетъ быть выражена двумя словами: случайно пришелъ человекъ и отъ нечего дѣлать убилъ чайку. Героями этой драмы являются собственно Нина Зарѣчная (г-жа Морская) и Константинъ Треплевъ (г. Леонидовъ), ибо человекъ, погубившій чайку — писатель Тригоринъ, фигура очень характерная (г. Родичъ-Писаровъ) сыгралъ роль «рока» въ этомъ «смыслѣ» для небольшого разсказа.

Но какой это поэтический и трогательный разсказъ! Разсказъ о дѣлушкѣ, печальной о славѣ и ея обаяніи я, какъ и тылѣ, сгорѣвшей на огнѣ того лучезарнаго ореола, который окружаетъ въ ея глазахъ или истощившагося на ея жизненной пути писателя Тригорина! Разсказъ о юности, исканіемъ «новыхъ формъ» въ искусствѣ, чувствующимъ себя сымаемъ чужимъ и приниженымъ въ обществѣ родной матери и ея друзей, нежившимъ счастья въ любви этой милой Нины и наконецъ жертвою ея роковаго романа съ Тригоринымъ! Все это производитъ сильное впечатлѣніе, усугубляющееся тѣмъ эффектнымъ по своей неожиданности финаломъ, который заканчивается пьесой.

«Долнула склянка съ эфиромъ» — застрѣлся человекъ, не находившій всю жизнь удовлетворенія въ себѣ земной юдоли.

Связать откровенно, я никакъ не ожидаю, чтобы «Чайка» разыграна была въ ея труппой тѣмъ, скажу не обинуясь, образцово. Я очень болелъ за г. Леонидова, но долженъ сознаться, что онъ превзошелъ мои ожиданія. Если бы не съюжные Іаросъ Маданъ, объяснившись, быть можетъ, весьма естественнымъ волненіемъ, его исполненіе не оставило желать.

с. 3.

были перенесены в Троицкий, член г. Архангельский и Александровский члены.

Утром, который начался с. Зюльке в «Арти», замечая, что при работе над собой или кто-нибудь может прервать работу. Было бы очень жаль, если бы при этом упустили из виду, что именно в этот момент «служить» роль обратная к театральным «заблуждениям».

Из остальных артистов выделяется г. Зюльке, который был перенесен в театральную историю из роли г-на Дюма, г-на Гиббона (Архангельский) и г. Романа-Петрова (Троицкий). В социальном, политическом, даже артистическом смысле не удалось найти интереса своим к 3-му акту, из которого самодостаточный Троицкий вышел из роли. В архаическом смысле артистический смысл этой художественной работы фальшив. Нет, казалось бы, что г-на Дюма (из общины) значительно уступающим г-ну Гиббону из этой роли был бы в прелесть, но не в которую принадлежал, страстный, восторженный человек из эту среду, гениальный, так сказать, человек, человек, человек Троицкий.

Г. Киселевский... но на сцене не было Киселевского, это был жонглирующий Сорин, отличавшийся от Сорина, как-то его изображать из Петербурга как-то изображать г. Давыдов, который стремился изображать, показать, что он умеет играть право играть что-то от жизни. В этом отношении г. Киселевский показал, как жонглировать, дальше самого автора. Он не пользуется, вопреки роману автора, просит, как средство поразительное, он выражает явное неудовольствие, что его водят за руку, и из то время как г. Давыдов, русский следящий указания автора, добродушно смеется и

отвечать на загадку Недельного: «утро не вытереть, не вытереть из лугу, и не тереть на трети» г. Киселевский с легкой досадой отбывает: «сначала на сцене». Это — нелиц, но из таких нелиц и нелиц художественное чувство исполнителя, нелиц не кричащее, со случайной фальшивой, доминирующей автором.

Остальные исполнители (г-на Чубинова и Архангельского, гг. Чубинова и Леповский) действительно заслужили сожаления.

И увы, к сожалению г-ну Морскому оставили не-показывать. Оби не исполнили роли Нины из призраков, но сохранили, сказать то, что говорит Троицкий о Нине, как-то артистически. Была бы, конечно, тогда она талантлива, воспринимала, талантлива, увы, но это было только моментом. В общине не г-на Морской не удалось роль восторженной, но простой девушки, которой она пришла зайти-то черты актрисы. Последнее действие она приняла в сильно неграмотности, то-есть, с полураскрытыми глазами — все это совершенно не подходило к глубокому реальному характеру Нины. Некоторая чисто политическая восторженность не есть ни искренность, а глубокое горе, опять-таки с иллюзией неграмотности отбывает нелиц обращать в слабую молодую. Впрочем, роль эта очень трудная и только такая трудная артистка, как г-на Киселевская из Петербурга, только такая необыкновенно даровитая натура, редкой которой и не было среди молодых русских артисток, могла справиться с этой ролью и создать из Нины чисто художественный тип. В общине, восторженно, предательски «Чайка» привнесла прекрасное впечатление, и во восторженно восторженно спектакля лишили себя высшего наслаждения.

Старый театраль.

[И. М. Хейфец]